

РАЗДРОБЛЕНИЕ ФОНДОВ РУССКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРИЧИНЫ, СЛЕДСТВИЯ, ИНСТРУМЕНТЫ ИСПРАВЛЕНИЯ И УРОКИ

В.Б. Прозорова

*Бюро журнала «Вестник архивиста» в Европе, компания «Abylsen–Gamma» Париж,
Groupe Abylsen 91, Avenue des Champs Elysées 75008 PARIS France Франция,
prozorovaviktoria@gmail.com*

Проанализированы история создания, причины раздробления и особенности описания архивных фондов русских военных учреждений во Франции в Первую Мировую войну. Показана важность стандартизации описания для восстановления информационного единства фондов и проанализированы возможности применения для этого различных форм электронного описания EAD, EAC, RİC и опасность использования идентификаторов интернет-ресурсов URI и ARK

Ключевые слова: Первая мировая война; русская военная администрация во Франции; единство фонда; архивное описание

THE FRAGMENTATION OF RUSSIAN MILITARY INSTITUTION'S ARCHIVE RECORD GROUPS IN FRANCE AFTER THE FIRST WORLD WAR: CAUSES, CONSEQUENCES, CORRECTION TOOLS AND LESSONS

V. B. Prozorova

*Magazine “Herald of an Archivist » in Europe, Paris, France,
Groupe Abylsen 91, Avenue des Champs Elysées 75008 PARIS France Франция,
prozorovaviktoria@gmail.com*

This article contains the history of creation, reasons for fragmentation, and the specifics of the inventory of Russian military institution's archive record groups in France during the First World War. It also shows the importance of setting inventory standards to restore the unity of information within record groups, an analysis of the possible usage of several forms of archival descriptions such as EAD, AEC, RİC-0, and the risks of using web addresses like URL and ARC.

Keywords: First World War; Russian military administration in France; unity of the record group; archival description

История фондов и причины их раздробления. «Русская военная администрация во Франции» (далее – РВАД) – совокупность русских военных учреждений и должностных лиц, не входивших в состав русских войск во Франции и работавших на ее территории в 1914–1918 гг. Фактически РВАД была рабочим органом Антанты, обеспечивавшим координацию франко–русского военного сотрудничества. Кроме русского военного агента во Франции, все ее учреждения и должности возникли явочным порядком, для решения задач военного времени, изменивших и

объем работ, и делопроизводство. Острая нехватка кадров, несколько языков составления документов (в основном русский и французский, реже английский и немецкий), создавали сложности, но чрезвычайные условия работы военного времени способствовали оптимальному их преодолению.

Делопроизводство в РВАД велось по «Положению о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве» 1911 г., сократившему количество видов документов и упростившему переписку внутри ведомства. Отметим и ныне актуальное требование направлять запросы непосредственно туда, откуда «может последовать разъяснение по существу» (приказ № 433 военного министра от 19 сентября 1911 г.). Дела требовалось формировать по предметно-вопросному признаку, ответы хранить вместе с запросами и ежегодно составлять в двух экземплярах описи секретных и несекретных дел.

Новым в «Положении» 1911 г. были пересмотр правил об архиве и их выделение в особый отдел, подчеркивающий, что их соблюдение «весьма важно в целях военно-исторических». Приложения к «Положению» содержали около 40 форм документов, в том числе и форму описи, где нужно было указать № дела, его краткий заголовок («о смотрах...»), число листов, отметку об окончании с указанием даты, и цифрами и прописью должный срок хранения. Приложение № 2 содержало «Правила сдачи законченных дел и книг в архивы». Дела подлежали либо уничтожению по окончании переписки, либо «срочному», либо вечному хранению [1с. IX, С.93.].

«Положение о делопроизводстве» 1911 г. активно использовалось в РВАД, о чем говорит как состояние ее архивов, так и множество помет и подчеркиваний рукой А.А. Игнатьева и его сотрудников в тексте сохранившегося в фонде в РГВИА «Положения».

Работа с военно-дипломатическими документами требовала соблюдать и некриптографические меры защиты информации, предусмотренные «Положением» 1911 г., и «Инструкцией военным агентам...» от 5 сентября 1912г. Для хранения текущего архива военного агента, где были и агентурные документы, и секретные военно-статистические издания, и коллекция газетных вырезок, требовалось «достаточно надежное помещение» и «железный шкаф». Как следует из переписки военного агента с Особым делопроизводством Огенквар ГУГШ 1 ноября 1912 г., А. Игнатьев купил сейф на средства для «секретных расходов», и получил возмещение лишь предоставив в ГУГШ счета.

Затронула РВАД и механизация делопроизводства в военном ведомстве:

—использовались штампы для регистрации документов, для отметок об уровне секретности и для согласования (причем был выбран лаконичный французский штамп, «VU : Ignatieff», аналогичный более длинному русскому «Просмотрено: Игнатьев»);

—в 1914г. составлялись типовые заголовки для дел, содержащих руководящие материалы – машинописный текст двух цветов с пропусками;

—большинство документов были машинописными, составлялись на типографских двуязычных бланках, либо общих, либо должностных.

С началом войны документооборот РВАД резко вырос. Консервативные традиции делопроизводства МИД уступали место техническим (штампы, бланки) и организационным (краткие совещания) новшествам, внедрявшимся Военным министерством и французскими поставщиками РВАД. Хотя ежегодные описи не всегда составлялись, дела формировались верно. Особенно это поражает при сравнении с военным ведомством Франции, где дела по важнейшим вопросам формировались правильно, а по «рутинным» могли остаться не подшитыми, а сложенными без учета хронологии в папки, пакеты, связки или мешки.

Риск для архивов РВАД возник после отъезда 9 августа 1914 г. наделенного «архивным сознанием» А. Игнатьева на французскую Главную квартиру (GQG). Его заместитель Д. Ознобишин, опасаясь захвата Парижа немцами, просил телеграммой от 1 сентября 1914 г. разрешения сжечь «некоторые секретные издания статистического характера», по примеру сотрудников Посольства. Приказав Ознобишину «ничего не жечь», Игнатьев прибыл в Париж и лично указал, «куда отправить документы военного агента». Даже в мемуарах, он не пишет, как именно он спрятал архивы, лишь намекая на «надежные подвалы» и «верных французских друзей» [2, л.3; 3, с. 461–462].

Этот эпизод показал, что паника ответственных за архивы лиц не менее опасна для них, чем действия врага. Противопоставить панике можно как четкие инструкции, так и современные технические средства: сложнее запретить сотрудникам посольства топить камин бумагами в сентябре 1914 г., чем сегодня обесточить здание.

Затяжной характер Первой мировой войны испытал на прочность все системы РВАД, в том числе и работу с документами. Взгляд на архив, как на хранилище «военно-исторических материалов», в духе «Положения» 1911 г., сменился утилитарным подходом к нему, как к управленческому ресурсу, что выразилось в составлении внутренних описей и полных заголовков лишь для дел с руководящими материалами. Дела РВАД в архивах России и Франции позволяют сделать вывод о нормальном

состоянии ее текущего делопроизводства и промежуточного архива. Однако имели место случаи:

Однократной возможной утечки информации по причине передачи Начальником русской военной миссии при GQG полковником В.В. Кривенко материалов Союзнических конференций на хранение в личный сейф гражданского чина РВАД в гостинице в залог уплаты карточного долга;

Отсутствия помещения для архива Военно-осведомительного бюро печати, хранившего как текущие дела, так и коллекцию материалов по вопросам внешней и внутренней политики России в 1916–1918 гг.

В 1914–1917 гг., вплоть до развала русского фронта более серьезных проблем с архивами РВАД не возникало.

Перипетии архивов в 1917–1924 гг. Последовательность ликвидации учреждений РВАД сказалась на судьбе их архивов. Уже в конце декабря 1917 г. работа структур разведки стала сворачиваться и возник спор о судьбе ее архивов. Архивы всех учреждений, закрытых до марта 1918 г., когда был создан Общий архив РВАД, остались частично или полностью во Франции.

После сложения 30 января 1918 г. представителем Временного правительства генералом М.И. Занкевичем своих полномочий, к нему по поручению Ж. Клемансо, 9 февраля прибыли 2 офицера французского Генерального штаба, принявшие от него 8 пачек архивных документов и 11 пачек с известиями Военно-осведомительного бюро печати за 1917–1918 гг. Этих документов в серии N «Третья республика (1872–1940)» Венсенского военного архива пока не удалось обнаружить [4, с.256].

Затем было закрыто Русское отделение Межсоюзнического бюро, о чем маршал Ф.Фош известил А.А. Игнатьева еще письмом от 28 декабря 1917 г [5]. Реальной причиной закрытия Бюро было прекращение боевых действий на Восточном фронте, но Фош писал и об «отсутствии средств на содержание» отделения. Дело не в скупости, которую французы проявили к недавним союзникам. Напомним, что военное министерство выплачивало А.А. Игнатьеву и его нескольким сотрудникам, занятым ликвидацией русских военных заказов во Франции, жалованье по французским тарифам вплоть до 1924 г., надеясь вернуть себе военное имущество со складов во Франции и аванс для оплаты русских военных займов из Банка Франции. Слова об «отсутствии средств» на работу русского отделения Бюро напоминали, что правительство Франции финансировало его работу, предоставив помещение и часть персонала. А во французском праве существует норма о «публичных бумагах» – документах, созданных, «на государственные деньги и необходимых для

защиты интересов государства», и поэтому являющихся собственностью Франции. Эта мотивировка звучит в служебной записке 2-го Бюро Генерального штаба Франции от 7 февраля 1918 г., изданной В.А. Авдеевым: «в отсутствии любого законного российского правительства документы, полученные этими офицерами, являются разведывательными средствами, которые были им предоставлены союзниками и поэтому им не принадлежат. Они принадлежат союзникам» [4, с. 254]. В феврале 1918 г. П.А. Игнатьев согласился передать на хранение в Историческую секцию Штаба армии (ставшую основой Венсенского архива) «до окончания войны» несколько пакетов и мешков с документами. Из переписки, изданной Авдеевым, видно, что французы были готовы вернуть дела конттразведки после войны «русскому правительству», а братья Игнатьевы настаивали на их возврате лишь узкому кругу из 5 бывших сотрудников Русского отделения Бюро. Неизвестно, были ли эти дела возвращены П.А. Игнатьеву или указанным им лицам, но в серии N Венсенского военного архива, где не всегда соблюден принцип единства фонда, обнаружить их не удалось.

Лучше всего в Венсенском архиве сохранился фонд Русской базы в Лавале (GR 7N 632–652 Base russe de Laval), за 1917–1924 г. База работала с января 1918 по 1922 гг., а крайние даты фонда объясняются тем, что к ее фонду добавили «документы, касающиеся всех вопросов по поводу русских во Франции, в Африке и на Востоке», например, данные об исходе Белой армии из Крыма (шифр 648) и запросы о репатриации со стороны бывших российских подданных – армян, эстонцев, литовцев и латвийцев (шифр 652).

Расскажем о судьбе самого крупного комплекса архивов РВАД – комиссий и управлений, непосредственно подчиненных военному агенту во Франции.

13 (26) марта 1918 г военный агент издал приказ № 15 о составлении «общего отчета о деятельности Управления и состоявших при нем заготовительных органов» с начала войны и создании для этого Общего архива, куда должны быть сданы «в первую очередь и в трёхдневный срок ... по описи все законченные дела», а затем «все дела, периодические отчеты начальников отделов и комиссий, и заканчивающиеся ныне отчеты по заказам». Счетный отдел должен был «сдать в архив все дубликаты оправдательных документов». Проводился регулярный контроль подготовки структурными подразделениями документов к сдаче в архив. А. Игнатьеву удалось получить на хранение часть документов Русской секции Межсоюзнического бюро, которой руководил его брат.

Подход к организации архива отвечал духу «Положения» 1911 г. А. Игнатъев получил 3 года, с 1918 по 1920, на обработку архива РВАД. Союзники оплачивали русский персонал РВАД, приводивший в порядок «военно–исторические материалы», французские архивисты также составили несколько описей, потому что архив был нужен для переговоров с Ликвидационной комиссией, стремившейся использовать в интересах Антанты военные заказы России, еще не вывезенные из Франции.

Французы оценили значение архива РВАД и претендовали на него и как на часть имущества в счет оплаты русских военных займов, и как на оружие в информационной войне. Описанный архив попал в 1923 г. под французский судебный секвестр в ходе процесса по русскому военному имуществу во Франции. Когда генерал Ш. Нолле возглавлял военное министерство (с 14 июня 1924 г. по 10 апреля 1925 г.), он направил к А. Игнатъеву хранителя нового Военного архива в Венсенне с предложением передать на хранение или продать (в мемуарах А.А. Игнатъев назвал сумму 200 000 – 400 000 франков золотом) его служебный архив [З.С.709]. Отказавшись от продажи документов А.А. Игнатъев проявил не только принципиальность, но и юридическую грамотность. Если бы эти документы архива были проданы, то возникли бы две причины, по которым они навсегда остались бы во Франции:

- согласно «принципу территориальной принадлежности» архивы иностранных властей, созданные на территории Франции и являющиеся источниками по ее истории, могут считаться частью национального достояния Франции. На этом основании архивы за время авиньонского пленения пап не были возвращены Ватикану.

- для отмены сделки купли–продажи архивов, нужно доказать, что эти документы суть «публичные бумаги», созданные для выполнения военным агентом его служебных полномочий, и относящиеся к «государственному архивному фонду» СССР. Если служебный характер бумаг был бы доказан, Франция могла бы требовать компенсации уплаченных сумм и затрат на их хранение.

Из истории французских посягательств на архивы РВАД мы выносим еще два, крайне актуальных урока:

- и в наши дни иностранное финансирование деятельности юридического лица – серьезный аргумент для предъявления его прав на архивы. Статус архивов организации всегда нужно устанавливать до получения каких–либо средств от иностранных партнеров;

- важность фактора времени для обеспечения сохранности архива в экстремальной ситуации. Сегодня, если нет достаточных компетенции и времени для обработки электронного архива срочно свертываемой

структуры, лучше провести его аудит при помощи таких программ как Archifiltre, Octave или ReSip, а затем «заморозить» его для хранения на оптико–магнитных носителях (летны LTO) на время переговоров о его возможном разделе.

Последствия раздробления архивов РВАД для их описания. В 1937 г. служебный архив был «вырван» А.А. Игнатьевым из–под французского секвестра, привезен в СССР и передан на хранение в ЦВИА (РГВИА). Часть документов, в основном по мобилизационной работе РВАД и деятельности Военно–осведомительного бюро, вошла в фонд Посольства России в Париже в современном АВПРИ Историко–документального управления МИД.

ЦВИА закончил обработку фонда в 1942 г. Фонд называли «Управление военного агента во Франции», но ошибочно включили в него дела французских эскадрильи и авиационной комиссии (опись 12, всего из двух дел). Несмотря на определенный отпечаток «оперативно–чекистских» методов, описи 1942 г. были качественными, а справка на фонд, где Клемансо через раз называли «Клеменко» – информативной. Предисловия к описям 1966 г. были куда менее идеологизированы, чем справка 1942 г. и интересны попыткой периодизации истории РВАД на основании ее внутренних нормативных актов. При уточнении профилей архивов в ЦГВИА из АВПРИ в 1982г. передали более 1200 дел, в основном из Военно–осведомительного бюро. До 1988 г. фонд находился на секретном хранении.

Небольшая, но очень информативная часть служебного архива (например, отчет о деятельности военного агента в 1914–1918 гг.) осталась в личном архиве А.А. Игнатьева, хранилась у него дома, служила ему подспорьем в написании знаменитых мемуаров «50 лет в строю», и была передана его вдовой Н.В. Трухановой на хранение в РГАЛИ.

Несмотря на то, что фонд «Управления военного агента во Франции» оказался раздробленным на 3 неравные части – основная масса документов в РГВИА, значительная часть «содержательного ядра» фонда в РГАЛИ и документы по отдельным направлениям работы в АВПРИ, описи советских архивов имели фиксированный уровень описания – дело. Единый уровень описания – не только необходимая, но и достаточная основа для восстановления единства фонда на информационном уровне, при помощи описи в формате кодированного архивного описания (EAD) или через создание полнотекстовой базы данных по всем делам (документам) фонда.

К сожалению, в описях Венсенского военного архива серии «N» уровень описания варьировал от нескольких коробок до дела. Так, шифры

(коробки) 649–650 из фонда Русской базы в Лавале имеют общий заголовок и даты: «Демобилизация русских (1919–1921)». Тогда как для других коробок указаны заголовки не только дел, но и отдельных документов, например: «положение о персонале». Когда военные архивисты Франции заканчивали под руководством Жана Нико в Венсенском архиве описи серии «N», по праву гордясь завершением многолетнего труда, во Франции, после 1994 г. уже внедряли первую версию стандарта ISAD/G и практически одновременно в калифорнийском университете Беркли начали разрабатывать кодированное архивное описание (EAD), позволяющее выкладывать в Интернет и связывать между собой архивные описи, строго соблюдающие иерархию уровней описания. Быстрое внедрение этих новых стандартов сразу же сделало подробные, но не унифицированные описи серии N устаревшими. Поэтому и до сего дня на сайте Венсенского архива доступны только описи серии N в формате PDF, позволяющем поиск по тексту.

Работая с различными делами русских учреждений, хранящимися в этой серии, автор пытался описать некоторые из них по российским стандартам дифференцированного описания и по стандарту ISAD/G и убедился, что это невозможно без просмотра дел: стандартизованное описание, составленное по описи, отличалось от того, при котором просматривались и дела. Эта попытка, впервые предпринятая в 1998 г., получила ироничную оценку шартиста Т. Сармана: «как переписать по-советски французские описи». Автору было важно понять, можно ли, почти не обращаясь к делам, переработать опись серии N в формат ISAD/G или EAD, чтобы выложить в Интернет и связать с другими комплексами источников описания фондов по российской и советской тематике. Это оказалось невозможным, потому что почти в каждом разделе описи серии «N» встречались неправильно сформированные дела или произвольные группировки дел. Критиковать французов за это сложно: в РГВИА тоже переименовали фонд 15304 «Управление военного агента» в «Русскую военную миссию во Франции», оставив в нем документы французской авиационной миссии и французского авиаотряда в России.

Итак, архивные фонды должностных лиц и учреждений РВАД оказались в разных архивах Франции и России, как потому, что в ходе Гражданской войны разные люди сделали разный политический выбор, так и потому, что как минимум одно учреждение – Русская военная база в Лавале, – перешло под французскую юрисдикцию. В обработке каждого крупного фонда были сделаны ошибки в фондировании, а в Венсенском архиве регулярно нарушалось единство уровня описания внутри даже

небольших по объему частей фонда. Период Первой мировой войны многие историки архивного дела считают периодом первого документного бума, а Ш. Кечкемети обоснованно назвал его «Третьей архивной революцией» [6. Р.14]: во время этого конфликта были созданы огромные по объему фонды, последние из которых в России и во Франции были описаны только в 1990–е гг. Вероятно, что некоторые документы и группы дел РВАД не утеряны, а еще не выявлены в силу несовершенства НСА, и историков еще ждут открытия. Очевидно, архивисты будут совершенствовать НСА, готовя его перевод в электронную форму.

Инструменты и риски восстановление виртуального единства фонда. При работе с описями дел РВАД в архивах России и Франции у автора закономерно возник вопрос о возможности связать эти части фонда через описание фондообразователя, используя стандарты, созданные Международным советом архивов (МСА): – «Международный стандарт архивного описания фондообразователя (учреждений и организаций, частных лиц и семей)» (ISAAR–CPF) и его электронной версии «Кодированное описание архивного контекста» (ЕАС). Но в связи с переходом на «семантический» интернет, для улучшения прослеживаемости архивных источников и справочников в интернете, то есть их привязки к автору (фондообразователю) и к хранящему их архивному учреждению был начат пересмотр 4 стандартов МСА по описанию архивных документов, фондообразователей и их функций, а также архивных учреждений. В России эта проблема была успешно решена при помощи перевода в электронный формат Центрального фондового каталога (см сайт: <http://cfc.rusarchives.ru>), описательные статьи которого значительно проще, чем распространенные в библиотечном деле онтологии в форматах RDF и XML.

Стандарт архивного описания «Архивные документы в контексте» (RiC), призванный заменить 4 стандарта МСА, был задуман как средство преодоления раздробленности архивных фондов: внедрение этой онтологии позволит иметь для одного автора или фондообразователя всего одну учетную (авторитетную) запись. К такой учетной записи автора возможно привязать и его документы из рукописного отдела библиотеки, из фондов музея, и даже его опубликованные тексты. Но в реальности создание такой универсальной учетной записи на автора–фондообразователя в формате RDF представляет некоторые сложности:

Представленная на Международной высшей архивной конференции (CISA) 2014 г. Флоранс Клаво онтология RiC–O сразу же показалась российским архивистам П. Кюngu и В. Прозоровой избыточной для описания фондообразователя: увлекшись «имплицитными

характеристиками объектов», французские архивисты предлагали указывать, что фондообразователь – «человек», «мужчина», «женщина». По-прежнему полагаю, что это совершенно излишне, ведь даже в архивах тех муниципалитетов США, где мэрами являются животные, нет документов, не созданных человеком.

Смогут ли архивисты позволить себе, как рекомендовала Ф. Клаво, выбрать из пилотной модели описания PIAAF (*Pilote d'interopérabilité pour les Autorités Archivistiques françaises*), содержащей более 200 параметров, характеристики, которые они решат указать в описании фонда? Компетенция архивистов позволит им это сделать. Другое дело, что «финансовые ресурсы, которыми располагала наша профессия, постоянно росли вплоть до начала XXI в.», как справедливо заметил Ш. Кечкемети, а сейчас на структурный экономический кризис наложился тот фактор, что «государственное финансирование архивной отрасли не может увеличиваться так же быстро, как ...масса документов» [7, с.368–369]. Ведь если даже на первых этапах перевода текстовых описей в формат EAD архивы использовали не только ручной ввод данных, но и их экспорт с последующей проверкой архивистами, то более трудоемкий перевод описаний в форматах EAD и EAC в формат Ric–O потребовал разработки программ–конверторов. Фирма «SPARNA» разработала и опробовала такой конвертор для Национального архива Франции в 2019 г. Закономерно оказалось, что конвертор создает менее подробные описания фондообразователей, чем специалист, заполняющий модель PIAAF: конвертированные описания содержат 21–28 позиций. Так практика избавила архивистов Франции от сверхтеоретического подхода к описанию фондообразователя. Представляется, что советская традиция составления введения к описям дала множество образцов взвешенного, немногословного и информативного описания фондообразователя. Возможно, что эти описания могут быть достаточно просто переведены в форматы EAC и даже Ric–O.

Описания фондообразователей, созданные на формальном языке, предназначены для публикации в интернете и, в перспективе, для связи с описаниями фондов и документов, созданных этим же лицом, но хранящихся в других учреждениях, в том числе и зарубежных. Казалось бы, создав описание фондообразователя на формальном языке, и опубликовав его в Сети, мы преодолеваем на информационном уровне раздробленность фонда. Однако, чтобы установленные связи между описанием фондообразователя и частями фонда были стабильными, нужно, чтобы каждый объект описания имел свой унифицированный идентификатор ресурса (URI), причем, желательно – стабильный (ARK). И

в этом тоже кроется одна из причин необходимости сохранения именно общего, не раздробленного на десятки объектов и под-объектов описания фондообразователя. Действительно, недопустимо, чтобы при обновлении сайта архива все ссылки (URL) на опубликованные там документы и описи становились недоступными. Проблема здесь в том, что адреса URI и более стабильные адреса ARK суть североамериканские технологии. И если даже Национальный архив Франции сомневается, стоит ли ему использовать для публикации описей систему адресации, созданную в США, нашим архивам нужно тем более об этом задуматься, если согласиться, что в современном информационном пространстве ведется психо-историческая война. Было бы идеальным создать для каждого крупного макрорегиона отдельные стабильные идентификаторы, чтобы доступность нашего культурного наследия не зависела от доброй воли Электронной Калифорнийской библиотеки, создавшей идентификаторы ARK.

Сегодня, в свете риска распада единого мирового экономического и информационного пространства оптимальным является как продолжение публикации бумажных и электронных сборников архивных документов в лучших традициях советской археографии, так и получение от зарубежных партнеров электронных копий документов с размещением их на собственных сайтах.

Эти примеры показывают, что хотя архивисты России и Франции и проделали огромную работу по сохранению и описанию архивов Первой мировой войны, 100 лет спустя после ее окончания мы еще очень далеки от создания единого информационного и архивного пространства памяти о ней.

Библиографические ссылки

1. Положение о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве. СПб, 1911.132 с.
2. РГАЛИ Ф. 1403. Оп.1 Д.163 Л.3.
3. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М: Воениздат, 1988. 751с.
4. Игнатьев П. Моя миссия в Париже/ Игнатьев Павел Алексеевич; предисловие Э. Юнга; подборка документов «Французская разведка о деятельности графа П.А Игнатьева» подготовлена В.А. Авдеевым. М.: Гея итерум, 1999.335 с.
5. РГАЛИ Ф. 1403 оп. 1 ед. хр. 771.
6. Kecskeméti Ch. Suveregny disputed claims professional culture essays of archival policies[Texte]/ Charles Kecskeméti. Bruxelles, 2000.
7. Ш. Кечкемети. Взгляд на историю архивоведения // Всеобщая история архивов: История и организация архивного дела в странах Европы: Учеб. Ч. 1. / Ш. Кечкемети, К.А. Мазин, С. Петкова и др.; Отв. ред. Т.И. Хорхордина. М.: РГГУ, 2019.379 с.